

концепцию «реальной действительности». По его мнению, обитатели Премухино игнорируют свои реальные обязанности и желания во имя абстрактных идеалов. Критикуя и высмеивая их привычку философствовать по поводу вопросов частной жизни, Белинский впервые выводит в своих письмах отрицательный образ «идеальной девушки» и начинает размышлять о «большой русской женственности», чему в последующие годы уделит много внимания.

Предложенная Дж. Рэндалфом «романная форма» позволила поместить исследование русского идеализма 1830-х гг. в совершенно новый контекст частной жизни, которая, как показал автор, составляет неотъемлемую часть интеллектуальной и культурной истории. При решении такого рода задачи требуется талант не только историка, но и литератора, чем Рэндалф несомненно одарен – не случайно его книга была отмечена в 2008 г. в США двумя престижными премиями. В ней, разумеется, имеются и недостатки, но многие из них –

прямое продолжение ее достоинств. Так, авторская деликатность имеет свою оборотную сторону – из-за отсутствия живых портретных характеристик аргументация иногда кажется повисшей в воздухе и выглядит абстрактным теоретизированием. Однако это несколько не умаляет значения работы, новаторской по содержанию и форме. Конечно, исследование Рэндалфа – это взгляд со стороны, оно написано в совершенно иной научной традиции, и российскому читателю в нем многое непривычно, начиная с терминологии. И тем не менее взгляд со стороны, да еще столь доброжелательный, представляется исключительно полезным и перспективным для нашей историографии.

**О.В. Большакова, кандидат
исторических наук
(Институт научной информации по
общественным наукам РАН)**

Д. Схиммельпенник ван дер Ойе. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 421 с., ил.

Книга известного канадского историка, профессора университета Брок Дэвида Схиммельпенника ван дер Ойе посвящена важной и малоизученной теме – соотношению идеологии и дипломатии, воздействию различных течений общественной мысли на дальневосточную политику России в конце XIX – начале XX в. В центре внимания автора – 4 идейных системы, оказавших, по его мнению, наибольшее влияние на принятие военно-дипломатических решений, касавшихся Дальнего Востока: «конквистадорский империализм» Н.М. Пржевальского, «восточничество» кн. Э.Э. Ухтомского, идеология «мирного проникновения» в Азию С.Ю. Витте и представления А.Н. Куропаткина об «угрозе с Востока».

Будучи фундаментальным научным исследованием, книга канадского историка написана легко, увлекательно, читается с большим интересом. Повествование «ветвится», затрагивая темы, каждая из которых могла бы стать основой для полноценной статьи, а то и монографии. Среди таких сюжетов – история путешествия цесаревича Николая Александровича на Восток и его председательства в Комитете Сибирской железной дороги, деятельность кн. Ухтомского на посту редактора «Санкт-Петербургских ведомостей», его сотрудничество с кн. В.П. Мецкерским и противоборство с

К.П. Победоносцевым, роль «тибетского лекаря» П.А. Бадмаева в придворных и правительственных кругах, связь «восточничества» с оккультными течениями рубежа веков и многое другое. В новом свете представлены автором и, казалось бы, достаточно хорошо известные историкам взаимоотношения правительственных сановников и «камарильи» Николая II, влияние межведомственной борьбы на выработку политических решений и т.д.

Одним из стереотипов, подвергшихся в монографии серьезной корректировке, является представление о заведомой обреченности дальневосточной политики царизма, направляемой авантюристами из окружения Николая II, «тонувшей» в море межведомственных распрей и сводившейся ко все менее и менее эффективным решениям. Не отрицая недостатков Николая II как политика и наличия глубоких противоречий между его советниками, автор в то же время показывает, что до поры до времени бюрократический аппарат работал достаточно слаженно и целенаправленно, а политика России на Дальнем Востоке (прежде всего, в отношении Китая) приводила к заметным достижениям. Отчасти успехи России определялись влиянием идеологии «восточничества», предполагавшей уважительное отношение к культуре и общественному укладу

народов Азии и рассматривавшей Россию в качестве защитницы азиатских государств от натиска Запада.

Анализируя историю геополитической борьбы на Дальнем Востоке, автор показывает, как Россия смогла повысить свой авторитет в глазах Китая, организовав в 1895 г. международный демарш в защиту его территориальной целостности от покушений Японии. Успех был закреплен предоставлением Китаю значительного займа, созданием Русско-Китайского банка и получением концессии на строительство Китайско-Восточной железной дороги. В основе данной стратегии лежала концепция «мирного проникновения» в Азию, обоснованная Витте и во многом, как подчеркивает автор, совпадавшая с идеями «восточничества». Отход от успешной внешнеполитической линии, завершившийся в конечном счете столкновением с Японией, не был, как показывает Схиммельпенник ван дер Ойе, запрограммирован, но явился результатом неблагоприятного для России «сцепления» обстоятельств – перехода западных держав (особенно Германии) к политике территориального раздела Китая, назначения «неудачного» министра иностранных дел М.Н. Муравьева и др. Заняв Порт-Артур и приняв участие в подавлении восстания «боксеров», Россия потеряла прежнее доверие в глазах китайских властей. Это заставило ее беспокоиться за судьбу своих маньчжурских владений (зоны КВЖД), задержать вывод войск из Маньчжурии, что, в свою очередь, и привело к войне с Японией. Именно на этом, предвоенном этапе развития дальневосточной политики России начали остро чувствоваться и межведомственные трения (в частности, соперничество Витте с адмиралом Е.И. Алексеевым), оказывавшие безусловно негативное влияние на эффективность принимаемых решений. Стало усиливаться и значение «камарильи», «теневого» советников царя, прежде всего «безобразовской клики», хотя, как показывает автор, роль этой группировки в формировании дальневосточной политики самодержавия не следует преувеличивать.

Монография Схиммельпенника ван дер Ойе является ярким примером междисциплинарного подхода к анализу исторических проблем, в рамках которого изучение внешнеполитической тематики «погружено» в культурный контекст эпохи, соотнесено с основными тенденциями развития общественной мысли, литературы, искусства. Подобный подход, широко распространенный на Западе, постепенно становится все более привычным и в России. Значительный вклад в его развитие вносят книги выпускаемой издательством «Новое литературное обозрение» (НЛО) серии

«Historia Rossica», в рамках которой вышла работа канадского исследователя. Публикации НЛО, оперативно знакомящие российского читателя с новинками западной (преимущественно англоязычной) историографии, существенно расширяют кругозор отечественного историка, способствуют становлению единого научного пространства, диалогу ученых, взаимовлиянию и взаимообогащению различных традиций.

Вместе с тем богатство представленного в книге фактографического материала, увлекательность умело выстроенного сюжета, яркость портретных характеристик, к сожалению, не могут скрыть досадных погрешностей редакторской и корректорской работы. В тексте нередки опечатки, особенно во французских и немецких словах, затрудняющие понимание прочитанного. Иностранные имена собственные то транскрибируются, то оставляются в оригинале (на латинице), иногда приводится совершенно неверная транскрипция. Так, американский дипломат и журналист Юджин Скайлер (Eugene Schuyler) превратился в «Шюлера» (с. 101). Между тем Скайлер – достаточно известный персонаж российской и американской истории, автор ряда трудов, посвященных России, и выяснить правильное написание его имени не составляло большого труда. Перевод грешит англицизмами, придающими тексту неряшливый характер. Так, в Китае в начале XX в. действует «милиция» (видимо, ополчение), воздвигаются «коммерциальные памятники», т.е. мемориальные сооружения, памятные знаки (с. 273, 281). Сочинения Пржевальского пронизывает «агрессивная вирильность» (с. 55). Встречаются в тексте и фактические неточности, очевидно, допущенные автором, но не исправленные редактором. Указывается, например, что численность населения России в первые годы XX в. составила 167 млн человек (с. 149), хотя по переписи населения 1897 г. в стране проживало около 130 млн человек. Есть и ряд других претензий, которые можно предъявить к качеству публикации. Однако помимо этих, «технических», замечаний, существуют и другие, более важные возражения.

Представляется, что некоторые формулировки русского издания монографии «домысливают» за автора то, чего он не имел в виду. Так, подзаголовок исследования «Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan» («Русские имперские идеологии и путь к войне с Японией») передан фразой «Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией». Нужно отметить, что «идеология» вовсе не равнозначна «мифу» и тем более «мифотворчеству». К тому же из 4-х идейных систем,

анализируемых в монографии, «привести» Россию к войне с Японией (в точном смысле этого слова) могла, пожалуй, лишь идеология Пржевальского, но именно ее влияние на события начала XX в. представляется в высшей степени сомнительным. Воззрения Куропаткина, напротив, носили подчеркнуто оборонительный характер, «восточничество» базировалось на представлениях о глубоком духовном родстве России и народов Востока, необходимости их мирного сосуществования, а Витте выступал за невоенное проникновение в Азию с использованием экономико-финансовых рычагов.

Не всегда убедительны и выводы самого автора. Представляется, что ему не во всех случаях удалось решить поставленную задачу – проследить взаимовлияние дипломатии и идеологии. Так, не вполне обоснованными кажутся попытки связать агрессивную составляющую российской внешней политики начала XX в. с воззрениями Пржевальского. Исследователь приводит примеры лишь двух прямых (в журнале «Гражданин») и одной косвенной (в мемуарах военного министра А.Ф. Редигера) ссылок на сочинения знаменитого путешественника, относящиеся к началу XX в. (с. 330). Все остальное, что рассматривается как «влияние Пржевальского», могло быть результатом совпадения или сходного образа мыслей, либо реакцией на конкретные военно-политические и дипломатические события. Риторика «агрессии» и «империализма», появление которой в высказываниях царя и его министров автор связывает с влиянием Пржевальского, была в изобилии представлена в российской и особенно в западной журналистике того времени. Резонно предположить, что именно оттуда, а

не из сочинений умершего за 20 лет до описываемых событий автора, позаимствовали ее те, кто вершил судьбы страны в начале XX в.

Возражения вызывает ряд конкретных формулировок автора. Трудно согласиться, в частности, с тем, что в образованном обществе России на рубеже XIX–XX вв. царил «аристократический, доиндустриальный этос», исключавший прочный успех политики таких деятелей, как Витте (с. 340). Вся история возвышения знаменитого сановника, его многолетнее управление Министерством финансов, длительное доверие к нему со стороны царя, успехи его программы индустриализации не позволяют согласиться с подобной характеристикой. И уж тем более нельзя признать «орхидею, высаженную в тайге», созданный при Витте колоссальный по объему производства индустриальный сектор российской экономики, выстроенное им на Дальнем Востоке целое «королевство» вокруг КВЖД и другие результаты его начинаний. Тем не менее, несмотря на указанные замечания, необходимо еще раз подчеркнуть, что монография Д. Схиммельпенника ван дер Ойе является крупным научным событием, значительным вкладом в изучение истории российской дипломатии и общественной мысли. Хочется надеяться, что положенный в ее основу междисциплинарный подход найдет отражение в работах отечественных историков, а поставленные в исследовании вопросы и затронутые в нем сюжеты станут основой для новых статей и монографий.

А.Ю. Полунов,
кандидат исторических наук
(Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова)

Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 304 с.

Существенной особенностью современной историографии является повышенное внимание к истории российских регионов. Это в полной мере относится к истории такого крупного и исключительно сложного региона страны как Северный Кавказ. В новейших исследованиях со всей остротой ставятся проблемы, которые в советской исторической науке или находились на втором плане, или вовсе обходились стороной. Назрело подведение историографических итогов, и выход в свет рецензируемой монографии можно только приветствовать. При этом в монографии подняты и актуальные теоретические вопросы о месте истории регионов в современном на-

учном историческом познании.

Анализ развития историографии позволил авторам сделать обоснованный вывод о том, что на протяжении постсоветского времени выделяются 2 качественно различающихся в методологическом отношении периода изучения темы. Один из них они называют «эпохой “наивного позитивизма”», когда историки стремились «к поиску “недостающих и все объясняющих фактов”». Авторы дают основание полагать, что путь от поиска фактов к концептуализации – нормальный исследовательский процесс. Методологический смысл его в том, что историк переходит от представления, что документ говорит сам за себя, к более